

Пятая гора

Автор:

Пауло Коэльо

Пятая гора

Пауло Коэльо

В девятом веке до н.э. финикийская принцесса Иезавель приказала казнить всех пророков, отказывающихся поклониться языческому божеству Ваалу. Илия бежит из Израиля в город Сарепту, где неожиданно находит свою любовь. Но вскоре все надежды и мечты рассеиваются как дым и Илию вновь затягивает водоворот событий, угрожающих его жизни.

«Пятая гора» – это волнующая история избранника Божьего, которому надлежит пронести свою веру через самые страшные испытания.

Пауло Коэльо

Пятая гора

Посвящается А. М., воину Света, и Мауро Саллешу

Предисловие автора

Главная мысль моей книги «Алхимик» заключена во фразе, которую, обращаясь к пастуху Сантьяго, произносит царь Мелхиседек: «Когда чего-нибудь желаешь очень сильно, вся Вселенная помогает тебе этого достигнуть».

Я верю в это всем сердцем. Между тем прожить жизнь и добиться воплощения своей судьбы означает пройти целый ряд этапов, смысл которых нередко недоступен нашему пониманию. Цель этих этапов – каждый раз возвращать нас на путь нашей Судьбы или же преподнести нам уроки, которые помогают осуществить свое предназначение. Думаю, что смогу лучше проиллюстрировать эти слова, рассказав один эпизод из своей жизни.

12 августа 1979 года я лег спать, зная в точности одно: к тридцати годам я достиг пика своей карьеры. Я работал художественным директором студии CBS в Бразилии. Некоторое время назад меня пригласили в США на встречу с владельцами компании, занимающейся звукозаписью. Я был уверен, что мне предоставят полную свободу для осуществления всех моих планов. Конечно, моя заветная мечта – стать писателем – отодвигалась в сторону, но какое это имеет значение? В конце концов, реальная жизнь совсем не похожа на ту, какой я ее себе представлял. В Бразилии нельзя прожить, занимаясь только литературой.

В ту ночь я окончательно решил отказаться от своей мечты – нужно было так или иначе приспособиться к жизни. Если моя душа будет противиться этому, я попытаюсь схитрить: время от времени буду сочинять слова к музыке или писать статейки для какой-нибудь газеты. В остальном же, я был убежден, что, хотя моя жизнь пошла по другому пути, она не стала менее интересной и в мире музыки меня ожидало блестящее будущее.

Как только я проснулся, раздался телефонный звонок: это был президент компании. Из его слов стало ясно, что меня только что уволили без всяких объяснений. В течение последующих двух лет я стучался в разные двери, но так и не смог получить работу в этой области.

Завершая работу над «Пятой горой», я вспомнил и этот случай, и другие проявления неизбежного в моей жизни. Всякий раз, когда мне казалось, будто я достиг вершины, что-нибудь случалось – и я летел вниз. Я спрашивал себя: почему так происходит? Неужели я осужден вечно приближаться к заветной черте, но никогда не достичь ее? Неужели Бог так жесток, что посылает мне мираж – оазис на горизонте – только лишь для того, чтобы я умер от жажды посреди пустыни?

Мне понадобилось много времени, дабы понять, что это не так. Одни события происходят в нашей жизни для того, чтобы вернуть нас на истинный путь Судьбы. Другие нужны для того, чтобы мы применили в жизни свои познания. А

некоторые события призваны научить нас.

В книге «Паломничество» я хотел показать, что эти уроки не всегда связаны с болью и страданием. Достаточно отнестись к ним серьезно и внимательно. Понимание этого стало истинным благословением на моем жизненном пути. Но я так и не смог до конца понять смысл некоторых событий моей жизни, хотя был достаточно собранным и внимательным.

Случай, описанный выше, можно считать одним из таких примеров. Я был настоящим профессионалом, вкладывал в работу всю свою душу. Некоторые свои идеи я до сих пор нахожу довольно удачными. Но неизбежное случилось именно в тот момент, когда я был спокоен и уверен в себе как никогда. Думаю, многие люди пережили нечто подобное. Неизбежное коснулось жизни каждого человека на Земле. Одни выстояли, другие отступились, но каждый пережил свою трагедию.

Зачем? Чтобы ответить себе на этот вопрос, я отправился вместе с Илией в Акбар.

Пауло Коэльо

И сказал: истинно говорю вам: никакой пророк

не принимается в своем отечестве.

Поистине говорю вам: много вдов было

в Израиле во дни Илии,

когда заключено было небо три года

и шесть месяцев, так что сделался

большой голод по всей земле,

и ни к одной из них не был послан Илия,

а только ко вдове в Сарепту Сидонскую.

Евангелие от Луки 4: 24–26

Пролог

К началу 870 года до н. э. государство, называвшееся Финикией – израильтяне же именовали его Ливаном, – уже почти три столетия не знало войн. И жители его по праву гордились своими свершениями: страна их, не обладая политическим могуществом, волей-неволей должна была развить в себе завидную способность договариваться и ладить с соседями, ибо только это могло стать залогом выживания в мире, раздираемом постоянными войнами. Союз, заключенный около 1000 года до н. э. с израильским царем Соломоном, позволил построить самый современный по тем временам флот и развивать торговлю. С той поры Финикия неуклонно расцветала и богатела.

Ее корабельщики добирались уже до таких отдаленных мест, как Испания, плавали в Атлантике, и есть предположения – правда, не подтвержденные, – что это они оставили надписи, сохранившиеся на юге и северо-востоке Бразилии. Они перевозили стекло, древесину кедра, оружие, железо, слоновую кость. Жители крупных городов Тира, Сидона и Библоса знали математику, умели производить астрономические вычисления, владели секретами виноделия и уже двести лет писали с помощью некоего набора условных значков, который греки называли алфавитом.

В начале 870 года до Рождества Христова в городе Ниневия собрался военный совет. Ассирийские полководцы решили двинуть свои войска на покорение стран, расположенных вдоль средиземноморского побережья. И первой жертвой завоевателей избрана была Финикия.

В начале 870 года до Рождества Христова в конюшне на окраине города Галаада, с минуты на минуту ожидая неизбежной смерти, прятались двое.

Часть первая

– Я служил Господу моему, а Он предал меня в руки врагов моих, – сказал Илия.

– Бог есть Бог, – отвечал левит. – Он ведь не говорил Моисею, плох Он или хорош, но сказал всего лишь: «Я есмь». Он – это все сущее под солнцем: и молния, разрушающая дом, и рука человеческая, этот дом восстанавливающая.

Они вели эту беседу лишь затем, чтобы отвлечься от недавшего их страха: в любую минуту воины, распахнув двери конюшни, могли обнаружить этих двоих. Тогда им предстоял бы единственный выбор: либо поклониться Ваалу – верховному божеству финикийцев, – либо пойти на казнь. Воины обшаривали дом за домом, а найденных пророков обращали в свою веру или убивали.

Левит, возможно, выбрал бы первое, а для Илии выбора и вовсе не было: все это началось из-за него, и Иезавель во что бы то ни стало желала получить его голову.

– Ангел Господень повелел мне обратиться к царю Ахаву и предупредить его: не будет дождей в Израиле, покуда жители его не перестанут поклоняться Ваалу, – сказал Илия, словно извиняясь за то, что пришлось послушаться ангела. – Но Бог правду видит да не скоро скажет: к тому времени, когда начнут проявляться последствия засухи, Иезавель истребит всех, кто останется верным Господу.

Левит промолчал, размышляя, как поступить – поклониться ли Ваалу или умереть во имя Господа.

– Кто есть Бог? – продолжал Илия. – Не он ли рукою воина заносит меч над головами тех, кто не желает изменить вере предков? Не он ли возвел чужеземную царевну на престол израильский, так что все эти злосчастья постигли наше поколение? Не он ли истребляет правоверных, ни в чем не виноватых людей, которые следуют Моисееву закону?

А левит тем временем принял решение и выбрал для себя смерть. И рассмеялся, потому что мысль о смерти больше не страшила его. Обернулся к юному пророку, сидевшему рядом, и попытался успокоить его:

– Спроси у Господа, раз ты усомнился в мудрости его решений. Я уже готов принять свой удел.

– Не может Господь желать, чтобы нас безжалостно умертвили, – стоял на своем Илия.

– Господь может все. Если бы Он творил лишь то, что нам, скудоумным, представляется добром, то не был бы всемогущ и правил бы лишь частью Вселенной, и, стало быть, существовал бы кто-то еще более сильный, и этот кто-то направлял бы Его действия и следил за ними. Что ж, в этом случае ему бы я и поклонялся.

– Но если наш Господь всемогущ, отчего не избавит от страданий тех, кто любит Его? Почему не спасет нас вместо того, чтобы вверить власть и славу врагам Своим?

– Понятия не имею, – ответил на это ему левит. – Но причина наверняка есть, и я надеюсь вскоре узнать ее.

– Значит, у тебя нет ответа на этот вопрос.

– Нет.

Они помолчали. Холодная испарина выступила на лбу Илии.

– Тебя мучает страх, – заметил левит, – а вот я примирился со своей участью. Я выйду и покончу с этими муками. Всякий раз, когда снаружи доносится крик, я терзаюсь мыслями о том, как будет, когда придет мой час. И покуда мы сидим в этом узилище, я умирал уже сто раз, а ведь мог бы умереть только однажды. Раз уж суждено мне быть обезглавленным, так пусть случится это поскорее.

Левит был прав. Илия слышал те же крики и, как ни крепок был духом, тоже испытывал страдание.

– Пойдем вместе. Перед смертью не надышишься.

И он встал, и распахнул дверь, впус­тив солнечный свет в конюшню, где сидели двое.

* * *

Левит взял его за руку, повел за собой. Если бы не крики, то и дело раздававшиеся на улице, казалось бы, что дело происходило в ничем не примечательном городе и в самый обычный день – солнце припекало не слишком, а ветерок, налетая от далекого побережья, навевал прохладу. На пыльных улицах стояли глинобитные дома.

– Наши души готовы принять ужас смерти, а день такой славный, – промолвил левит. – А ведь часто бывало, что, когда я чувствовал себя в ладу с Богом и с миром, стоял ужасный зной, ветер из пустыни швырял мне в глаза песок, так что в двух шагах от себя я ничего не видел. Не всегда Его замысел согласуется с нашими чувствами, но одно я знаю твердо – на все это у Него есть причина.

– Меня восхищает крепость твоей веры.

Левит задумчиво поглядел на небо. Потом обернулся к Илии:

– Не восхищайся чрезмерно. Дело в том, что я сам с собой побился об заклад. Я утверждаю, что Бог – есть.

– Но ведь ты – пророк. Тебе дано слышать голоса, не внятные другим. Ты знаешь, что за пределами нашего мира существуют и другие миры.

– Может быть, все это – лишь плод моего воображения.

– Но ведь ты видишь знамения, – в тревоге возразил Илия и снова услышал в ответ:

– Может быть, все это – лишь плод моего воображения. На самом деле, у меня нет ничего действительного, кроме моего спора с самим собой. Я сказал себе, что все вокруг создано Всевышним.

* * *

На улице не было ни души. Затворясь в домах, люди ждали, когда воины Ахава исполнят поручение чужестранной царевны – истребить пророков Израиля. Илия, шагая рядом с левитом, чувствовал, что из-за каждой двери, из каждого окна за ним наблюдают чьи-то глаза, – и терзался своей виной за все происходящее.

– Но я ведь не просил сделать меня пророком, – размышлял он. – Быть может, и впрямь все это – не более чем игра воображения.

Но он помнил, что случилось в мастерской, и знал, что это не так.

* * *

Он с детства слышал голоса и разговаривал с ангелами. И пришла пора, когда родители отвели сына к израильскому первосвященнику, а тот, подробно расспросив мальчика, объявил его пророком, «человеком духа», который воспламеняется, услышав Божий глас.

И еще много времени протекло в беседах со священником, прежде чем тот сказал родителям Илии: ко всему, что будет сказано им, надлежит отнестись серьезно.

А выйдя из этого дома, отец и мать попросили сына никогда и никому не рассказывать о том, что он видит или слышит, ибо пророк связан с властью, а это чревато опасностью.

Впрочем, Илия никогда и не слышал такого, что могло бы заинтересовать владык мирских и духовных. Он разговаривал только со своим ангелом-хранителем и получал от него наставления лишь о том, что касалось его собственной жизни. Иногда случались у него видения, смысл которых он постичь не мог, – виделись ему далекие моря, горы, населенные странными существами, колеса с глазами и крыльями. А когда видения исчезали, он, покорный воле родителей, старался забыть их как можно скорее.

И потому голоса и видения посещали его все реже. Отец и мать были довольны и больше не говорили об этом. Когда же пришло ему время жить своим трудом, дали Илии денег на плотницкую мастерскую.

* * *

С почтением глядел он на других пророков – они проходили иногда по улицам Галаада в одежде из звериных шкур, перетянутых кожаными поясами, и утверждали, что Господь призвал их, чтобы вести избранный народ. Илия понимал, что это – не его стезя: никогда не сможет он впасть в неистовство от безумной пляски или самобичевания, как неизменно случалось со всеми, кого «воспламенял Божий глас», ибо страшится боли. Никогда не пройдет по улицам, горделиво показывая рубцы и шрамы от ран, нанесенных себе в этом умопомрачении, ибо слишком робок для этого.

Илиа считал себя самым обычным человеком, да так оно, наверно, и было: он и одевался как прочие, и терзал только душу свою – но теми же страхами и искушениями, что и простые смертные. Чем больше работал он в мастерской, тем реже слышались ему голоса, а потом они и вовсе исчезли: у человека взрослого и делом занятого нет для этого времени. Родители были им довольны, и жизнь их текла в мире и согласии.

И со временем тот давний разговор со священнослужителем стал лишь далеким воспоминанием. Илиа не мог поверить, что Господу Всемогущему нужно разговаривать с людьми, чтобы заставить их исполнять свои повеления. Все, что случилось тогда, в детстве, было всего лишь праздной выдумкой. В его родном Галааде были люди, которых считали безумцами. Их речи были бессвязны, и сами они не в силах были отличить голос Господа от бредовых речей. Жили на улицах, предсказывали скорый конец света, питались подаянием милосердных прохожих. И все-таки ни один священник не поверил, будто их «воспламеняет Божий глас».

Илиа в конце концов решил, что священники сами не вполне уверены в том, что говорят. «Избранники Божьи» появлялись оттого, что страна двигалась неведомо куда, оттого, что брат восставал на брата и ежечасно возникали новые правители. Где уж тут отличить безумцев от пророков.

* * *

Узнав о женитьбе царя на тирской царевне Иезавели, он сначала не придавал этому значения. Случалось и раньше, что цари Израиля брали в жены чужестранок, и после этого воцарялся долгий мир, бурно расцветала торговля с Ливаном. Мало заботило Илию, верят ли жители сопредельной страны в выдуманных ими богов, поклоняются ли они, например, животным или горам: лишь бы честно вели дела – все прочее не в счет.

Он продолжал покупать древесину кедра из Ливана и продавать вещи, что выделывал в своей мастерской. Хотя ливанские купцы были немного спесивы и любили гордо именовать себя «финикиянами» – ибо отличались от местных цветом кожи, – но ни один из них не пытался воспользоваться той смутой, что бушевала в Израиле. Платили по справедливости, а о постоянных междоусобных войнах и о прочих невзгодах израильтян предпочитали помалкивать.

* * *

А Иезавель, взойдя на престол, попросила Ахава сделать так, чтобы его подданные поклонялись теперь не Господу, а богам Ливана.

Но и такое тоже случалось прежде. Илия – хоть чрезмерная уступчивость Ахава и возмущала его – исполнял закон Моисея и поклонялся Богу Израиля. «Ничего, – думал он. – Иезавель обольстила нашего царя, но ей не хватит сил заставить целый народ изменить свою веру».

Однако Иезавель была не такой, как другие женщины, – она верила, что Ваал привел ее в этот мир, чтобы обратить иные народы. Терпеливо и хитроумно награждала она и одаривала всех, кто отрекся от прежней веры и стал поклоняться новым богам. Ахав повелел воздвигнуть в Самарии храм – капище Ваала, а в нем соорудить жертвенник-алтарь. Храм начали посещать паломники, и мало-помалу вера ливанская распространилась по стране все шире.

«Ничего, – думал Илия. – Это пройдет. Может быть, захватит одно поколение, а потом сгинет».

* * *

Но тут случилось неожиданное. Однажды под вечер, когда он работал у себя в мастерской, свет вдруг померк, и вокруг Илии замерцали мириады белых точек. Голова у него разболелась с небывалой силой; он хотел было присесть, но не смог и шевельнуться.

Нет, это не игра воображения.

«Я умер, – подумал он в первую минуту. – И теперь узнаю, куда отправляет нас Господь после смерти».

Одна из этих искорок засверкала очень ярко, и внезапно неведомо откуда и как бы отовсюду разом прозвучало:

«И сказал Илия Фесвитянин, из жителей Галаадских, Ахаву, жив Господь Бог Израилев, пред Которым я стою! в сии годы не будет ни росы, ни дождя, разве только по Моему слову».

А в следующее мгновение все стало как прежде: плотницкая мастерская, предвечерний свет, голоса игравших на улице детей.

* * *

В ту ночь Илия не сомкнул глаз. Впервые за долгие годы вернулись к нему те ощущения, что испытывал он когда-то в далеком детстве, но теперь говорил с ним не его ангел-хранитель, а «Нечто» гораздо более могущественное и сильное. Со страхом Илия подумал, что, если не повинуется, все начинания его будут прокляты.

И наутро решил выполнить то, о чем было ему сказано. Ведь в конце концов он всего лишь должен подать весть о том, что не имеет к нему отношения. Как только поручение будет выполнено, голоса перестанут тревожить его.

* * *

Нелегко было добиться, чтобы царь Ахав принял его. Много-много лет назад, когда на трон воссел царь Соломон, пророки играли важную роль в делах страны. Они имели право жениться, заводить детей, но должны были неизменно оставаться в распоряжении Господа, чтобы владыки земные не сбивались с верного пути. Легенды гласили, что благодаря им, избранникам Божьим, много битв было выиграно, а Израиль выжил и устоял, ибо, если правители его отдалялись с предначертанной им стези, пророки возвращали их на праведный путь.

И придя во дворец, сказал Илия, что засуха будет опустошать страну до тех пор, пока народ не перестанет поклоняться финикийским богам.

Царь не придавал его словам значения, однако Иезавель, сидевшая рядом с Ахавом и внимательно слушавшая все, что говорил Илия, принялась расспрашивать его. И он рассказал о том, как померк свет, как нестерпимо разболелась голова, как показалось, что время остановилось, пока он слушал ангела. И, рассказывая, Илия мог вблизи рассмотреть царицу, о которой все говорили, и убедиться, что она и вправду необыкновенно хороша: точеное тело, черные волосы, спускавшиеся до пояса, зеленые глаза, блиставшие на смуглом лице. Сейчас они пристально глядели на Илию, а тот не мог понять, что выражает этот взгляд, как не мог и представить себе, какие последствия вызовут его слова.

Он вышел из дворца с сознанием исполненного долга и с намерением воротиться к себе в мастерскую. А куда шел, со всем пылом своих двадцати трех лет возжелал Иезавель. И попросил Бога, чтобы когда-нибудь в будущем послал ему женщину из Ливана, ибо они прекрасны собой, кожа их смугла, а зеленые глаза исполнены тайны.

* * *

Остаток дня он провел за работой и ночью спал крепко. А наутро, еще затемно, его разбудил левит: Иезавель убедила царя, что пророки – помеха и угроза росту и усилению Израиля. И воины Ахав получили приказ казнить тех, кто не захочет отказаться от священного предназначения, которое дал им сам Господь.

Впрочем, Илиии права выбора не предоставили – его велено было убить.

Покуда два дня и две ночи они с левитом прятались в конюшне на южной окраине Галаада, четыреста пятьдесят рабы были убиты на месте. А большая часть тех, кто расхаживал по улицам, стегая себя плетью и предрекая конец света из-за всеобщего упадка нравов и безверия, согласились перейти в новую веру.

* * *

Раздался глухой удар, потом вскрик. Илия, потревоженный в своих раздумьях, обернулся к спутнику:

– Что это?

Но ответа не получил: левит рухнул наземь: из груди его торчала стрела.

А стоявший впереди воин уже готовился снова натянуть тетиву. Илия оглянулся по сторонам – все окна и двери закрыты, солнце сияет на небе, и веет легкий ветер с моря – он столько слышал о нем, но никогда не видал. Убежать? – Но ведь стрела настигнет его прежде, чем он успеет завернуть за угол.

«Если суждено мне погибнуть от стрелы, то пусть она поразит меня не в спину», – подумал он.

Воин уже поднимал лук. Илия к собственному удивлению не чувствовал страха, ни безотчетного желания выжить – он вообще не испытывал никаких чувств: ему казалось, будто все это определено давным-давно, а он и этот лучник лишь исполняют роли в драме, которую не они сочинили. Он вспомнил о детстве, о том, как хорошо было в Галааде и утром, и под вечер, вспомнил, что в мастерской ждет его брошенная работа. Вспомнил мать с отцом, которые так не хотели, чтобы сын их стал пророком. Вспомнил зеленые глаза Иезавели и улыбку царя Ахава.

Подумал о том, как глупо умирать в двадцать три года, даже не познав женщину.

Прянувшая с тетивы стрела прочертила воздух, прожужжала мимо правого уха Илии и воткнулась в придорожную пыль у него за спиной.

А воин уже вкладывал новую и прицеливался. Но вместо того чтобы выстрелить, он пристально поглядел в глаза Илии.

– Я – самый меткий стрелок во всей армии Ахава, – сказал он. – Уже семь лет, как я не давал промаха.

Илия поглядел на мертвого левита.

– Эта стрела предназначалась тебе. – Руки, державшие лук, дрожали. – Илия, ты – единственный пророк, обреченный на смерть: все прочие могут спастись, приняв веру Ваала.

– Что ж, заверши начатое.

Собственное спокойствие удивило его. Столько раз, прячась в конюшне, представлял он свою гибель, а теперь видел, что напрасно мучился: еще мгновение – и все будет кончено.

– Не могу, – ответил воин. Руки его ходили ходуном, не давая прицелиться. – Уходи прочь, сгинь с глаз моих, ибо я думаю, что сам Господь отклоняет стрелы мои от цели. И Он проклянет меня, если мне все же удастся убить тебя.

И вот тогда, в тот миг, как Илия понял, что может выжить, вновь охватил его страх смерти. Еще есть возможность когда-нибудь увидеть море, встретить женщину, зачать ребенка, закончить работу.

– Не тяни, убей меня скорее, – сказал он воину. – Видишь – сейчас я спокоен. А чуть промедлишь – снова начну тосковать по всему, что утрачу.

Тот оглянулся по сторонам, убедившись, что никто их не видит. Потом опустил лук, спрятал стрелу в колчан и скрылся за углом.

Илия почувствовал, как ослабели ноги – страх набросился на него со всей силой. Надо немедленно бежать, скрыться из Галаада, чтобы никогда больше не предстать перед воином с натянутым луком, нацеленным тебе в сердце. Он ведь не сам выбрал себе такую судьбу и к Ахаву отправился не затем, чтобы похвастать перед соседями – я, мол, разговаривал с царем. Не он виноват, что перебили

пророков. Не он ответствен даже и за то, что однажды почувствовал, как замерло время, что увидел: мастерская превратилась в черную дыру, где мерцают бесчисленные светящиеся точки.

И подобно тому, как делал это воин, Илия тоже огляделся по сторонам. Никого. Он хотел было удостовериться, что левиту уже ничем нельзя помочь, но вернувшийся страх пересилил, и, пока никто не появился на улице, Илия бросился бежать.

Много часов кряду шел он, выбирая заброшенные дороги, покуда не достиг берега мелкой речушки Хораф. Он стыдился своей трусости, но радовался тому, что жив.

Он утолил жажду, сел на берегу и только теперь осознал, в каком положении оказался: завтра ему захочется есть, а как снискать себе пропитание в пустыне?!

Он вспомнил о своем ремесле, которое пришлось бросить, о мастерской, которую пришлось оставить. Кое с кем из соседей он дружил, но все равно – рассчитывать на них нельзя: слух о его бегстве уже наверняка распространился по городу, и все теперь ненавидят его за то, что сумел спастись, тогда как по его вине истинно верующие люди обрели мученическую кончину.

Все, что он делал до сих пор, разрушено – хотя он полагал, что всего лишь исполняет волю Господа. Завтра – а может быть, через несколько дней или недель – постучат в дверь его мастерской ливанские купцы, и кто-то им скажет: хозяин бежал, оставя за собой страшный след: сотни невинно убиенных пророков. А может быть, скажут, что он пытался уничтожить богов, оберегавших землю и небо, и весть об этом пересечет границы Израиля, и тогда можно навек проститься с мечтой о женитьбе на той, кто красотой равна дочерям Ливана.

* * *

«Но ведь есть корабли».

Да, есть корабли. Преступников, взятых на войне пленных, всякого рода беглых брали в корабельщики, ибо занятие это еще опасней, чем быть воином. В битве на сухопутье всегда остается возможность убежать и выжить, а морские пучины бездонны, населены чудовищами, так что, когда стряется беда, не остается никого поведать о ней.

Да, есть корабли. Но они принадлежат финикийским купцам. Илия – не пленный, не каторжанин, не беглый. Он – тот, кто осмелился возвысить свой голос против Ваала. Если это выяснится, его обезглавят и выбросят за борт, ибо моряки поклоняются Ваалу, насылающему шторма и бури.

Стало быть, в сторону моря идти нечего. На север путь заказан, там – Ливан. И на восток – тоже: там уже на протяжении жизни двух поколений кипит междоусобная распря нескольких племен Израилевых.

* * *

Илия вспомнил, какое спокойствие осеняло его душу, когда солдат готовился пустить стрелу. Что такое смерть в конечном счете? Всего лишь мгновение. Даже если он почувствует боль, она тотчас же исчезнет, и Господь примет его в лоне Своем.

Он лег наземь и долго смотрел на небо. Подобно левиту, тоже хотел заключить с самим собой пари. Нет, не о том, существует ли Бог – в этом он не сомневался, – а о смысле собственной жизни.

Он видел горы, видел землю, выжженную непрекращающейся засухой, о которой возвестил ему ангел, но благодаря тому, что много лет подряд шли благодатные дожди, все еще сохранявшую кое-где свежесть. Видел Хораф, чьи воды скоро обмелеют. Исполненный благоговения и любви, он прощался с миром и просил Бога упокоить его душу, когда настанет время.

В чем смысл моего бытия, спросил он себя и не нашел ответа.

Куда же мне идти, спросил он себя и обнаружил, что обложен со всех сторон.

Что ж, завтра он возвратится и предаст себя в руки врагов, хотя страх смерти вновь вернулся к нему.

Он попытался возвеселить свою душу мыслью о том, что еще несколько часов будет жить. Не получилось, ибо он только что обнаружил, что человек – едва ли не всегда – лишен способности принимать решение.

Проснувшись наутро, Илия вновь взглянул на Хораф.

Завтра или через год река пересохнет, и в ложе реки вместо воды останутся мелкий песок и круглые камешки. Останется название, и жители по-прежнему будут говорить о Хорафе как о реке, а указывая кому-нибудь дорогу, пояснять: «...Это на берегу ближней реки». Путники придут сюда, увидят мелкий песок и круглые камешки и подумают: «Видно, когда-то, в незапамятные времена, здесь протекала река». Не будет только самого главного и единственного, что делает реку рекой, – не будет струения ее вод, утоляющих жажду.

Вот и души – в точности как реки и растения – нуждаются в особом орошении надеждой, верой, смыслом жизни. Когда этого не происходит, душа засыхает, хоть тело и продолжает жить, и люди могут тогда сказать: «Видно, когда-то и в нем была человеческая душа».

Но сейчас было не время размышлять об этом. Илия снова вспомнил свой разговор с левитом перед тем, как они вышли из конюшни: зачем умирать тысячу раз, если довольно и одного? Ему сейчас достаточно дожждаться стражников Иезавели. Они придут, в этом нет никаких сомнений, ибо не так уж много мест, куда можно убежать из Галаада. Злоумышленники неизменно стремились в пустыню – где всего через несколько дней их настигала смерть – или на берега Хорафа, где их вскоре могли обнаружить и схватить.

Так что в скором времени стражники будут здесь. И он обрадуется, увидев их.

* * *

Он выпил немного воды, чистой и прозрачной. Умылся и отыскал тень, где можно будет дожждаться прихода стражников. Человеку не совладать с судьбой – он вот

попробовал и проиграл.

Несмотря на то что священник признал в нем пророка, он решил заняться плотницким ремеслом, и вот – Господь вернул его на уготованную ему стезю.

Что ж, не он первый попытался изменить предназначения Бога. У него был друг, обладавший прекрасным голосом, которому родители не разрешили стать псалмопевцем, считая, что это роняет честь семьи. Девочка, с которой он в детстве дружил, была одарена чудесными способностями танцовщицы, но отец с матерью не позволили развивать этот дар, боясь, что царь возьмет ее ко двору – а ведь никто не знает, сколько продлится его правление. Да и жизнь при дворе считалась предосудительной и грешной – девушку потом никто замуж не возьмет.

«Человек рожден обмануть свой удел». Бог влагает в души только невыполнимые задачи.

Почему?

Потому, наверно, чтобы не пресеклась традиция.

Нет, это скверное объяснение. Жители Ливана достигли большего, нежели мы, ибо нарушали обычай мореплавателей. Весь мир строил корабли одного и того же типа, а они решили сделать что-нибудь другое. Много кораблей погибло в море, но ливанцы все же добились совершенства и теперь стали первыми в мире купцами. Они дорого заплатили за то, чтобы приспособиться, но дело того стоило.

Быть может, человек изменяет своей судьбе оттого, что Бога не случилось поблизости. Кто, как не Он, вселил когда-то в души людей мечты о временах, когда все было возможно, вселил – и отправился заниматься иными делами. А мир преобразился, и жизнь сделалась трудней, Господь же не стал изменять мечты человеческие.

Бог – далеко. И все же если иногда Он отправляет своих ангелов разговаривать с пророками, значит, здесь, на земле, еще осталось что-то такое, к чему надо приложить руки. Так каков же ответ?

«Быть может, дело в том, что отцы наши ошибались и боятся, как бы мы не повторили их ошибки. Или, быть может, они никогда не ошибались и не знают, как помочь нам, если мы окажемся в затруднительном положении».

Это уже ближе.

Рядом с ним несла свои воды река, кружили в поднебесье вороны, какие-то растения отстаивали свое право жить на этой бесплодной песчаной почве. Если бы они слышали, как говорили его предки, что услышали бы они?

А вот что. «Река, отыщи иное русло своим чистым водам, отражающим сияние солнца, а не то пустыня вскоре иссушит тебя», – сказали бы речные божества, если бы существовали. «Вороны, в лесах вы найдете себе пропитание скорей, чем среди песка и камней», – сказали бы птичьи божества. «Растения, бросайте свои семена подальше, ибо в мире множество плодородных и на славу орошаемых земель», – сказал бы бог лугов и полей.

Однако и у реки, и у растений, и у воронов – один из них как раз присел неподалеку – хватило отваги делать то, что другие реки, птицы, цветы считали невозможным.

Илия поглядел на ворона.

– Я учусь науке постижения. Хотя плодами ее не воспользуюсь, потому что обречен на смерть, – сказал он ему и, казалось, услышал в ответ:

– Видишь, как все просто. Нужно всего лишь не бояться.

Илия рассмеялся, оттого что наделил бессловесную тварь даром речи. Этой забавной игре научился он у женщины, которая пекла хлеб. Он решил продолжить: задавать вопросы и самому себе отвечать на них, наподобие всезнающего мудреца.

Но ворон взлетел. Илия же по-прежнему ждал прихода воинов, потому что семи смертям не бывать. Довольно будет и одной.

* * *

День минул, и ничего не произошло. Неужели забыли, что злейший враг Ваала – еще жив? Почему Иезавель, которая наверняка знает, где он, не преследует его?

«Потому что я видел ее глаза и понял, что она мудра. Если я умру, то стану мучеником за Господа. А если меня будут считать всего лишь беглецом, то прослышу трусом, не верящим в собственные слова».

Именно таков и был замысел царицы.

* * *

Незадолго до того как стемнело, ворон – может быть, тот самый? – опустился на то же место, где сидел утром, и выронил – не нарочно – кусочек мяса, который держал в клюве.

Илия счел это чудом. Он кинулся к дереву, схватил мясо и съел его. Он не знал и не хотел знать, откуда оно взялось, – ему просто хотелось немного утолить голод.

Но ворона не спугнуло его резкое движение.

«Он знает, что я умру с голоду, – подумал Илия. – Он кормит свою добычу, чтобы потом устроить себе настоящее пиршество».

Иезавель тоже подкармливает веру в Ваала историей о бегстве Илии.

И так вот некоторое время провели они – человек и ворон, – разглядывая друг друга. Илия вспомнил свою утреннюю игру.

– Знаешь, мне хочется поговорить с тобой, ворон. Сегодня утром я подумал, что и души нуждаются в пище. Если моя душа еще не умерла с голоду, значит, ей есть еще что сказать.

Ворон был неподвижен.

– А если так, я должен выслушать ее. Потому что больше мне говорить не с кем.

Илия представил, что он – ворон, и как бы от его лица спросил:

– Чего ждет от тебя Господь?

– Ждет, что я стану пророком.

– Так говорят священники. Но это вовсе не значит, что именно этого желает Бог.

– Нет, именно этого. Не зря же появился у меня в мастерской ангел. Не зря он велел мне пойти к Ахаву. Не зря слышались мне в детстве голоса...

– ...которые каждый слышит в детстве, – перебил ворон.

– Но не каждый видел ангела.

На этот раз ворон не ответил. Но спустя небольшое время птица – а верней сказать, собственная душа Илии, грезившего наяву от зноя и одиночества, какие бывают только в пустыне, – нарушила молчание.

– Помнишь ту женщину, что пекла хлеб? – спросил он себя.

* * *

Еще бы не помнить. Она попросила его изготовить несколько деревянных подносов. А дожидаясь, покуда Илия выполнит заказ, сказала, что, выпекая хлеб, по-своему выражает присутствие Бога.

– И я заметила, что ты испытываешь то же самое чувство. Ибо ты работаешь, а на устах у тебя улыбка.

Женщина делила весь род людской на тех, кто радуется тому, что делает, и тех, кто жалуется. Они уверяют, что проклятие, насланное Богом на Адама, есть единственная истина: «Проклята земля за тебя; со скорбью будешь питаться от нее во все дни жизни твоей». Они не получают удовольствия от работы, а в

праздники, когда полагается отдыхать, томятся от скуки. И слова Господа они твердят в оправдание своей никчемной жизни. И не помнят, что Он сказал Моисею: «И даст тебе Господь изобилие на земле, которую Он клялся отцам твоим дать тебе».

* * *

– Да, еще бы мне не помнить ту женщину! Она угадала: мне и в самом деле отраден был мой труд. – Каждый собранный им стол, каждый сколоченный им табурет помогал ему лучше постигать, крепче любить жизнь. И он понял это только теперь. – Женщина сказала, что разговаривает с теми вещами, которые создает, и я, помнится, был удивлен, когда понял, что столы и стулья способны отвечать – ибо я вкладывал в них лучшее, что есть в моей душе, и взамен получал мудрость.

– Если бы ты не был плотником, ты не мог бы вкладывать душу в предметы неодушевленные, не мог бы притвориться, будто это ворон говорит с тобой, не мог бы понимать самые лучшие, самые разумные его мысли, – был ответ. – Там, в мастерской, открыл ты, что священное пребывает везде и во всем.

– Мне всегда нравилось делать вид, что я разговариваю со столами и стульями, которые мастерю. И разве этого не достаточно? Женщина была права, когда разговаривала с предметами и вещами, ибо она открывала мысли, которые никогда не приходили мне в голову. И когда я начал сознавать, что Богу можно служить и так, появился ангел... А что было потом, тебе известно.

– Ангел появился, потому что ты был готов, – ответил ворон.

– Я был хорошим плотником.

– Это входило в твое обучение. Когда человек движется в сторону своей судьбы, ему приходится много раз менять направление. Бывает, что внешние обстоятельства столь сильны, что он в страхе принужден сдаться. Все это – часть науки, которую ты постигал.

Илия внимательно слушал голос своей души.

– Однако нельзя терять из виду желанное. Даже если бывает, что порой поверишь: мир сильнее тебя. Нельзя сдаваться – в этом весь секрет.

– Я никогда и не помышлял сделаться пророком, – молвил Илия.

– Нет, помышлял. Просто был уверен, что это невозможно. Или опасно. Или немыслимо.

Илия вскочил на ноги.

– Зачем говорю я себе то, чего не желаю слышать? – крикнул он.

И ворон, испуганный его резким движением, улетел.

* * *

А наутро вернулся. Илия не стал продолжать разговор, а всего лишь наблюдал за птицей – та где-то умудрялась добывать себе пропитание и ему приносила остатки.

Таинственная дружба возникла между ними: Илия начал учиться у ворона. Он убедился, что тот где-то находит в пустыне еду, и понял, что если сумеет сделать то же самое, протянет еще несколько дней. Когда ворон кружил в воздухе, человек знал: где-то рядом есть добыча, бросался туда и пытался поймать. Поначалу мелкие зверьки ускользали от него, но постепенно появился у Илии нужный навык и необходимое проворство. Ветки служили ему дротиками, а в земле выкапывал он ловушки, прикрывая их слоем песка и веток. Когда в них попадалась дичь, Илия делился ею с вороном, а какую-то часть оставлял про запас.

Однако столь тягостным и мучительным было его одиночество, что он снова начал притворяться, будто разговаривает с птицей.

– Кто ты? – спросил ворон.

– Я – тот, кто познал душевный мир, – ответил Илия. – Я могу жить в пустыне, заботиться о себе самом и созерцать бесконечную красоту Божьего творения. И еще я открыл, что душа моя лучше, чем я думал прежде.

И еще месяц охотились они вместе. И вот однажды ночью, когда глубокая печаль объяла душу Илии, он снова спросил себя:

– Кто ты? – и ответил: – Не знаю.

* * *

И еще одна луна умерла, а потом народилась в небе. Илия чувствовал, что тело его стало крепче, а разум – ясней. В ту ночь он повернулся к ворону, сидевшему на том же суку, что и всегда, и ответил на вопрос, который задавал себе уже давно:

– Я – пророк. Однажды, работая в мастерской, я увидел ангела, и с тех пор непреложно знаю, на что способен, хотя бы весь мир твердил мне обратное. Я развязал кровавую бойню в родном городе, ибо бросил вызов возлюбленной моего государя. Я нахожусь сейчас в пустыне, как прежде находился у себя в мастерской, потому что моя душа сказала мне так: человек должен пройти через множество испытаний, прежде чем исполнится его удел.

– Ну да, теперь знаешь, кто ты, – отвечал ворон.

И в ту же ночь, когда Илия, вернувшись с ловли, хотел зачерпнуть воды из Хорафа, увидел он, что река пересохла. Но он был так утомлен, что решил лечь спать.

И во сне явился ему – давно уж такого не случилось – ангел-хранитель и молвил так:

– Ангел Господень говорит с твоей душой:

«Пойди отсюда и обратись на восток и скройся у потока Хорафа, что против Иордана.

Из этого потока ты будешь пить, а воронам Я повелел кормить тебя там».

– Моя душа внемлет тебе, – отвечал во сне Илия.

– Тогда просыпайся, ибо ангел Господень велит мне уйти. Он сам будет говорить с тобой.

Илия в страхе вскочил. Что случилось?

И вот, хоть была ночь, место озарилось светом, и ангел Господень явился ему.

– Что привело тебя сюда? – спросил он.

– Ты привел меня сюда.

– Нет. Иезавель и воины ее заставили тебя бежать. Никогда не забывай этого, ибо предназначение твое – отомстить за Господа твоего.

– Я – пророк, иначе не слышал бы голоса твоего, и ты бы не сошел ко мне, – сказал Илия. – Несколько раз менял я направление, как случается всем. Но теперь я готов пойти в Самарию и низвергнуть Иезавель.

– Ты обрел свой путь, но не сможешь низвергать, покуда не научишься возводить. Я приказываю тебе:

«Встань, и пойдешь в Сарепту Сидонскую, и оставайся там; Я повелел там женщине вдове кормить тебя».

А наутро Илия стал искать ворона, чтобы проститься с ним. И впервые за все то время, что провел он на берегу Хорафа, ворон не прилетел.

* * *

Несколько дней шел Илия, пока не добрался до обширной равнины, где располагался город Сарепта, жителями ее именуемый также Акбар. Чувствуя, что силы его на исходе, заметил он одетую во все черное женщину, собиравшую

хворост. Растительность в той долине была скудной, так что приходилось довольствоваться мелкими сухими ветками.

- Кто ты? - спросил он.

Женщина взглянула на чужестранца, не вполне понимая, что он говорит.

- Дай мне воды утолить жажду, - продолжал Илия. - Дай мне ломоть хлеба утолить голод.

Женщина отставила в сторону свою вязанку, но продолжала молчать.

- Не бойся, я один, я измучен голодом и жаждой и так обессилен, что опасности ни для кого не представляю.

- Вижу, что ты нездешний, - наконец промолвила она. - По речам твоим и выговору ты, наверно, из царства Израильского. А иначе ты бы знал, что у меня нет ничего.

- Ты - вдова, так сказал мне Господь. Я еще бедней, чем ты. Если не дашь мне глотка воды и крошки хлеба, я сейчас умру.

Женщина испугалась - откуда бы страннику знать о том, кто она?

- Стыдно должно быть мужчине просить пропитания у женщины, - сказала она, немного оправясь.

- Исполни просьбу мою, - молил Илия, зная, что иссякают последние силы. - Я приду в себя и буду трудиться для тебя.

Женщина засмеялась.

- Несколько мгновений назад ты говорил правду: я - вдова, и муж мой погиб в кораблекрушении. Я никогда не видела моря, но знаю, что оно подобно пустыне: убивает тех, кто бросает ему вызов.

И продолжала:

– А потом уста твои изрекли ложь. Я давно уже ничего не стряпаю, и это так же верно, как то, что Ваал живет на вершине Пятой горы. В кадке моей лишь горсть муки, и на доньшке масла в кувшине.

Илия почувствовал, как земля качнулась у него под ногами, и понял, что сейчас лишится чувств. Собрав остаток сил, он взмолился в последний раз:

– Мне неведомо, веришь ли ты в сны и даже – верю ли в них я. Но знай – Господь велел мне прийти сюда и повстречать тебя. Случалось в моей жизни такое, что заставляло меня усомниться в Его мудрости, но в существовании Его – никогда. И Бог Израиля велел мне сказать женщине, которую повстречаю я в Сарепте, такие слова:

«Мука в кадке не истощится, и масло в кувшине не убудет, до того дня, когда Господь даст дождь на землю».

И, не успев объяснить, как возможно такое чудо, потерял сознание.

А вдова глядела на распростертого у ее ног человека. Она-то знала, что Бог Израиля – всего лишь суеверие, что финикийские боги не в пример могущественней, ибо они превратили ее народ в один из самых почитаемых в мире. Но душа ее возрадовалась: обычно она просила милостыни у людей, а сегодня – впервые за долгие годы – кто-то нуждается в ней. И оттого она почувствовала себя сильнее: ведь есть такие, кому приходится еще хуже.

«Если кто-то просит у меня милости, значит, я еще чего-то стою, – думала она. – Исполню его просьбу, облегчу его муки. Мне и самой случалось терпеть голод, мне ли не знать, как разрушает он душу».

И, взяв в доме своем ломоть хлеба и кувшин с водой, вернулась. Стала на колени, приподняла голову странника, смочила ему губы. И вскоре Илия пришел в себя.

Вдова протянула ему хлеб, и он стал молча есть, поглядывая на равнину, на горную гряду, чьи безмолвные вершины уставлены были в самое небо, на

красные стены города Сарепты.

– Приюти меня, ибо в моей отчизне гоним я, – сказал Илия.

– Какое преступление ты совершил? – спросила она.

– Я – пророк Господа моего. Иезавель приказала истребить всех, кто откажется поклоняться финикийским богам.

– Сколько тебе лет?

– Двадцать три года.

Вдова с жалостью смотрела на него: длинные, давным-давно не мытые волосы, редкая еще бородка, которую отпустил он словно бы для того, чтобы выглядеть старше. Как этот бедолага умудрился бросить вызов могущественной Иезавели?!

– Если ты враг Иезавели, то враг и мне. Она – царица Сидонская, и предназначение ее – выйдя замуж за вашего царя, обратить его народ в истинную веру. Так говорят знающие ее.

С этими словами она указала на одну из вершин горной гряды, окаймлявшей равнину:

– Наши боги обитают на вершине Пятой горы уже много-много лет и сохраняют мир в нашей стране. Израиль меж тем живет в крови и страданиях. Как вы можете по-прежнему верить в Бога Единого? Дайте Иезавели исполнить ее предназначение, и мир осенит ваши города и веси тоже.

– Мне был голос Господа, – отвечал на это Илия. – А вы, финикийцы, никогда не поднимались на вершину Пятой горы и не знаете, кто живет там.

– Того, кто отважится на это, испепелит небесный огонь. Боги не любят чужих.

Она вдруг осеклась. Вспомнила, что ночью видела во сне слепящий свет, из которого словно бы исходил голос, произнесший: «Сегодня ты встретишь чужестранца – прими его».

– Приюти меня, ибо мне некуда приклонить голову, – настойчиво повторил Илия.

– Я ведь уже сказала тебе, что бедна. Я едва могу прокормить себя и сына.

– Господь просит, чтобы ты позволила мне остаться. Он никогда не бросит в беде тех, кого любит. Исполни мою просьбу. Я буду работать на тебя. Я плотник, я умею изготавливать поделки из кедра и найду, чем добыть себе пропитание. И моими руками исполнит Господь свое обещание: «...мука в кадке не истощится, и масло в кувшине не убудет до того дня, когда Господь даст дождь на землю».

– Если даже я и соглашусь, мне нечем тебе платить.

– И не нужно. Господь призрит.

И женщина, помня в смятении чувств сегодняшней сон, решила согласиться, хоть и знала, что предоставляет пищу и кров врагу царицы Сидонской.

* * *

Об этом очень скоро стало известно соседям. Пошли толки, что вдова, не уважая память мужа, который погиб, пролагая новые торговые пути для отчизны, взяла к себе в дом чужестранца.

И узнав об этих слухах, она поспешила объяснить, что приютила израильского пророка, умиравшего от голода и жажды. И распространилась по городу весть о том, что у вдовы прячется от гнева Иезавели израильский пророк. И выборные от горожан пришли к верховному жрецу.

– Приведите чужестранца, – распорядился тот.

И было сделано по слову его. В тот же день доставили Илию к тому, кто вместе с начальником войск и правителем определял все, что происходило в Акбаре.

– Что тебе нужно в нашем городе? – спросил жрец. – Разве ты не понимаешь, что мы – враги твои?

- На протяжении многих лет я имел дело с вашими купцами и всегда уважал ваш народ и обычаи. А здесь я потому, что в отчизне моей меня преследуют.

- Причина мне известна, - сказал жрец. - Тебя заставила скрываться женщина?

- Я в жизни не видел никого прекрасней этой женщины, хоть беседа наша длилась всего несколько минут. Но сердце у нее каменное, а зелеными ее глазами смотрит на мир враг, задавшийся целью уничтожить мою страну. Я не бежал - я дожидаюсь, когда наступит время для возвращения.

Жрец рассмеялся.

- В таком случае приготовься остаться в Акбаре навсегда, ибо время это никогда не наступит. Мы не воюем с твоей страной - мы всего лишь хотим мирными средствами распространить нашу веру по всему миру. И не собираемся уподобляться вам, творившим такие зверства в захваченном вами Ханаане.

- Убивать пророков - это, по-вашему, мирные средства?

- Если обезглавить чудовище, оно перестает существовать. Ценою жизни немногих можно будет навсегда избежать войн за веру. И - мне рассказывали об этом купцы - все это затеял пророк по имени Илия. Затаял, а потом скрылся.

Жрец окинул его пытливым взглядом и добавил:

- По описаниям он похож на тебя.

- Это я и есть, - ответил Илия.

- Что ж, превосходно. Добро пожаловать в город Акбар. Когда нам что-нибудь понадобится от Иезавели, мы разочтемся с нею твоей головой - монетой самого крупного достоинства. А до тех пор сыщи себе какое-нибудь дело, которое тебя прокормит, ибо места для пророков у нас тут нет.

Илия уже собирался уйти, когда жрец добавил:

– Сдается мне, юница из Сидона оказалась могущественней твоего Бога Единого. Она сумела воздвигнуть капище Ваалу, и твои бывшие единоверцы преклоняют перед ним колени...

– Все будет так, как заповедано Господом, – отвечал Илия. – Случаются в нашей жизни невзгоды и горести, избежать которых нельзя. Но просто так они не происходят – должна быть для того причина.

– Какая причина?

– А на этот вопрос ответить невозможно, пока не грянут эти невзгоды. Лишь когда минуют они, становится понятно, чем навлекли мы их на себя.

* * *

Когда же Илия вышел, жрец призвал к себе выборных, побывавших у него утром, и сказал им так:

– Не тревожьтесь. Обычай предписывает нам оказывать гостеприимство чужестранцам. Кроме того, здесь он у нас под присмотром, и каждый его шаг нам известен. Чтобы уничтожить врага, нет способа лучше, чем прикинуться его другом. В свой срок мы выдадим Илию Иезавели, и город наш получит за него много золота. А за это время постараемся узнать, как уничтожить его мысли. Ибо сейчас знаем лишь, как истребить его плоть.

И хотя Илия веровал в Бога Единого и мог стать врагом Иезавели, жрец потребовал распространить на него право убежища. Все знали древний обычай: если город отказывал какому-нибудь чужестранцу в приюте и защите, та же участь постигала и детей тех, кто пренебрег традицией. А поскольку большая часть их плавала по всему миру на бесчисленных торговых кораблях, никто из акбарцев не осмеливался нарушить закон гостеприимства.

Кроме того, не за горами был тот день, когда голову израильского пророка обменяют на горы золота, которые даст за нее царевна Сидонская.

* * *

Вечером же Илия ужинал со вдовой и ее сыном. Поскольку пророк сделался теперь ценным товаром, сулящим большие барыши, ливанские купцы прислали вдове еды, которой должно было хватить на неделю.

– Похоже, что Господь Израиля держит Свое слово, – молвила вдова. – С тех пор как не стало моего мужа, никогда еще не был так полон мой стол.

Илия мало-помалу осваивался в Сарепте. Как и все его жители, он стал называть город Акбаром. Он познакомился с правителем, с начальником войска, с ремесленниками-стеклодувами, чьи изделия славились по всей округе. А когда его спрашивали, как он оказался в Акбаре, Илия отвечал правду: Иезавель задалась целью известить всех пророков в Израиле.

– Да ты изменник своей отчизны и враг нашей, – говорили ему. – Однако мы – народ торговый, а потому знаем, что чем человек опасней, тем дороже стоит его голова.

Так минуло несколько месяцев.

На краю долины появились и стали лагерем ассирийские дозоры. Были они немногочисленны и опасности никакой не представляли, но тем не менее начальник гарнизона предложил правителю принять меры.

– Они не причинят нам вреда, – сказал тот. – Должно быть, ищут кратчайший путь для доставки своих товаров. Если решат пройти нашими дорогами, то заплатят подать – наша казна пополнится. Зачем нам враждовать с ними?

И вдобавок занемог – безо всякой видимой причины – сын вдовы. Соседи сочли, что виной тому присутствие чужеземца, и вдова попросила Илию покинуть ее дом. Но он не ушел, потому что Господь еще не позвал его. И тогда распространились слухи о том, что своим появлением он навлек на город гнев богов Пятой горы.

Успокоить жителей, внушив им, что отряды ассирийцев угрозы не представляют, правителю было нетрудно. А вот успокоить их в отношении Илии теперь, когда

слег сын вдовы, оказалось более сложным.

* * *

И выборные от города, придя к правителю, сказали ему:

– Мы можем построить дом для израильтянина за городскими стенами. Так мы не нарушим закон гостеприимства и защитим себя от гнева богов. Ибо им не по нраву, что мы приютили у себя чужеземца.

– Не трогайте его, – отвечал правитель. – Пусть живет где живет. Мне не нужны осложнения с Израилем.

– Какие осложнения? – спросили выборные. – Ведь Иезавель, гонительница всех пророков, поклоняющихся Богу Единому, желает уничтожить их всех до одного.

– Наша царица наделена отвагой и хранит верность богам Пятой горы. Но хоть сейчас власть ее велика, не забывай, что она – не израильтянка. Завтра может впасть в немилость у Ахава, и тогда ярость соседей падет на наши головы. Если же мы покажем, что относились к нему хорошо, они будут снисходительны.

Выборные ушли недовольными, ибо помнили, как священник обещал им, что Илию – когда-нибудь – обменяют на золото. А теперь они, хоть и знали, что правитель неправ, ничего не могли сделать. Обычай предписывал почитать царствующую династию.

А вдалеке, на краю долины, меж тем появлялись все новые и новые шатры ассирийцев.

Начальник акбарского войска тревожился, но не находил поддержки у правителя и верховного жреца. Он пытался сделать так, чтобы его воины постоянно упражнялись в искусстве боя, хотя не то что у них, а даже у их дедов не было опыта ведения войны. Ибо войны остались в далеком прошлом Акбара, и сопредельные страны намного обогнали его и в области военной науки, и в вооружении.

«Акбар всегда умел договариваться о мире, – говорил правитель. – Мы и на этот раз не допустим вторжения. Пусть чужестранные державы сражаются между собой: у нас есть оружие невиданной мощи, и оружие это – деньги. Когда в конце концов наши соседи обескровят друг друга, мы завезем в их города наши товары».

Пусть и на этот раз удалось ему убедить горожан, что ассирийцев бояться нечего. Но все равно ползли по городу слухи о том, что это израильский пророк навлек проклятие богов на Акбар. И опасность, которую представлял собой Илия, делалась все более зримой.

* * *

Пришел день, когда сыну вдовы стало совсем худо: он уже не вставал с постели и никого не узнавал. На закате Илия и вдова преклонили колени по обе стороны от его кровати.

– Господи Всемогущий, Ты, что отвел от меня погибельную стрелу и привел меня сюда, сделай так, чтобы мальчик выздоровел. Он ни в чем не виноват перед Тобой, он не отягчен моими грехами и грехами родителей своих, спаси же его, Господи!

Мальчик уже не шевелился, губы его посинели, а глаза быстро тускнели.

– Молись своему Богу Единому, – просила вдова. – Ибо одной лишь матери ведомо, что душа ее ребенка расстается с телом.

Илия хотел сжать ей руку, сказать, что она не одна в этот час и что Всемогущий Бог должен услышать его молитву. Он – пророк, он смирился со своей участью на берегах Хорафа, и ангелы должны принять его сторону.

– Я выплакала свои слезы, – продолжала она. – Если у Него нет сострадания, если Ему нужна чья-то жизнь, пусть возьмет мою, а сын мой пусть как прежде ходит по улицам Акбара.

Илия изо всех сил старался сосредоточиться на молитве, но горе матери было так велико, что, казалось, не вмещается в комнату и рвется наружу сквозь

стены, сквозь окна и двери.

Он прикоснулся к руке мальчика – жар, томивший больного два предыдущих дня, спал, и это был дурной знак.

* * *

В то утро в доме побывал жрец и, подобно тому как делал он это две недели подряд, приложил к груди мальчика припарки из целебных трав. Вчера и позавчера женщины Акбара пользовали больного снадобьями, лечебная сила которых была проверена много раз на протяжении веков. Каждый день они собирались у подножья Пятой горы и приносили жертвы, молясь, чтобы душа мальчика не рассталась с телом.

Тронутый общим горем, некий египетский купец, оказавшийся в Акбаре проездом, вручил, не взяв за это ни гроша, редкое и очень дорогое средство – красный порошок, который надо было давать больному с едой. Легенда гласила, что секрет изготовления этого порошка в незапамятные времена открыли египетским знахарям боги.

Илия все это время непрестанно молился.

Ничего не помогало.

* * *

– Я ведь знаю, почему тебе разрешили остаться, – слабым от бесконечных бессонных ночей голосом произнесла вдова. – За голову твою назначена награда, и когда-нибудь ты будешь отправлен в Израиль в обмен на горы золота. Но если ты спасешь моего сына, клянусь Ваалом и всеми богами Пятой горы, тебя не схватят. Я научу тебя, как тайными тропами, по которым никто не ходит уже лет двадцать, покинуть Акбар.

Илия промолчал.

– Помолись своему Единому Богу, – снова воззвала к нему вдова. – Если Он спасет моего сына, клянусь отречься от Ваала и уверовать в Него. Объясни Ему, что, дав тебе приют, когда ты в нем так нуждался, я поступила в полном соответствии с тем, что Он заповедал.

Илия помолился, вложив в молитву все силы души. И в этот миг мальчик шевельнулся и слабым голосом произнес:

– Я хочу выйти отсюда.

Слезы радости навернулись на глаза вдовы.

– Иди, сын мой. Пойдем, куда ты захочешь. Делай что нравится.

Илия попытался было взять его на руки, но мальчик отстранился:

– Я сам.

Медленно поднялся и двинулся в другую комнату. Ступил шаг, другой – и как подкошенный рухнул наземь.

Илия и вдова подбежали к нему. Мальчик был мертв.

На мгновение оба лишились дара речи. Потом женщина издала вопль, истошный и пронзительный:

– Будьте прокляты боги, отнявшие душу моего сына! Будь проклят человек, принесший несчастье в мой дом! Сын мой! Мальчик мой! За то, что я исполняла волю небес, за то, что была великодушна с чужестранцем, боги лишили меня сына!

На крики пришли соседи, увидели распростертого на полу мальчика. А женщина все кричала, кричала и хотела ударить израильского пророка, стоявшего рядом, – а он точно окаменел и даже не пытался защититься. Женщины принялись успокаивать вдову, мужчины немедленно скрутили Илию и потащили его к правителю.

– Этот человек за добро воздал злом. Он навел порчу на дом вдовы, и сын ее умер. Мы оказали гостеприимство негодяю, проклятому богами.

А израильтянин плакал и вопрошал: «Господи Боже, зачем решил Ты принести горе женщине, которая была добра ко мне?! Если Ты забрал душу ее сына, то, значит, я не исполнил предназначенное Тобой и заслуживаю смерти!»

* * *

В тот же день собрался совет горожан Акбара, первоприсутствующими на нем были правитель и жрец. Илию доставили на суд.

– Ты дерзнул за любовь воздать ненавистью. И потому повинен смерти, – сказал правитель.

– Хотя твоя голова стоит очень дорого, мы не можем возбудить гнев богов Пятой горы, – сказал жрец. – Ибо потом за все золото мира не удастся вернуть мир в этот город.

Илия стоял, опустив голову. Он знал, что заслуживает самых страшных пыток, потому что Господь от него отступился.

– Ты взойдешь на вершину Пятой горы, – продолжал жрец. – Будешь молить прощения у оскорбленных тобою богов. И они поразят тебя небесным огнем. А если нет – то, значит, им угодно, чтобы мы покарали тебя нашим судом и правосудие свершилось нашими руками. Тогда завтра тебя казнят так, как принято у нас.

Илия хорошо знал, как принято казнить в Акбаре: у приговоренного вырывали из груди сердце, а потом ему отрубали голову. Согласно древнему поверью, человек без сердца не попадет в рай.

– Господи, почему Ты избрал меня? – возопил Илия, хоть и знал, что стоявшие вокруг него люди не поймут, о каком выборе говорит он. – Разве не видишь, что я не в силах исполнить то, что Ты требуешь?!

Ответа не услышал никто.

Жители Акбара вереницей шли за стражниками, которые вели израильтянина к подножью Пятой горы. Летели камни, звучала брань. Воины с трудом сдерживали негодующую толпу. Через полчаса шествие достигло цели.

Приговоренный и стража остановились перед каменными алтарями, куда испокон века люди возлагали жертвы, где оставляли свои просьбы и дары. Все знали легенды об исполинах, живших там, все помнили судьбу тех, кто нарушил запрет и был испепелен огнем с небес. А путники, проходившие ночью по равнине, клялись, будто слышали громopodobный хохот богов и богинь, пировавших на вершине.

Не все верили в это, но никто не осмеливался преступить запрет, бросив вызов богам.

– Ступай, – сказал стражник, толкнув Илию древком своего копья. – Погубивший ребенка заслуживает злейшей из казней.

* * *

Илия переступил запретную черту и начал подниматься по склону. А когда смолкли за спиной яростные крики акбарцев, присел на камень и заплакал, подумав, что с того памятного дня в мастерской, когда окутала его тьма, пронизанная мириадами искр, он неизменно приносит своим ближним одни несчастья.

Бог Единый потерял в Израиле своих приверженцев, а культ финикийских богов теперь, наверное, укрепился. Еще в первую ночь, проведенную на берегу Хорафа, Илии пришло в голову, что Господь избрал его, чтобы сделать мучеником, как избирал прежде многих других.

Но нет: Господь послал ему тогда зловещую птицу ворона, и тот приносил ему пищу, пока не пересох Хораф. Почему ворона, а не голубку? Почему не ангела? Быть может, все это было всего лишь бредом человека, у которого от зноя помутилось в голове? Или попыткой унять страх? Илия теперь уже ни в чем не был уверен. Быть может, Зло избрало его своим орудием? Иначе почему Господь

приказал ему идти в Акбар, а не вернуться в Галаад и покончить с Иезавелью, причинившей столько горя Его народу?

Да, в ту пору он чувствовал себя трусом, но продолжал исполнять то, что было велено. Он как мог старался ужиться с этим странным народом, чьи обычаи и нравы были так отличны от израильских. И вдруг, когда ему стало казаться, что он исполняет предназначенное ему, – умер сын вдовы.

«Почему же я?»

* * *

Он поднялся, прошел еще немного и оказался в тумане, окутывавшем вершину горы. Он мог бы воспользоваться его непроницаемой пеленой и сбежать – но что толку? Он устал убегать и знал, что все равно не сыщет свое место в мире. Даже если сейчас ему удастся скрыться, он перенесет тяготеющее над ним проклятье в другой город, и там разразятся новые бедствия. Куда бы он ни пошел, тени мертвых всюду последуют за ним. Лучше уж смириться, пусть вырвут у него сердце, пусть отсекут голову.

Он снова присел. Густой туман клубился вокруг. Илия решил выждать немного – пусть люди внизу думают, будто израильтянин поднялся на вершину горы. Потом он вернется в Акбар и сам предаст себя в руки палачей.

«Огонь небесный». Многие погибли от него, хотя Илия сомневался, что именно Господь насылает его.

В безлунные ночи его вспышка пересекала небосвод, исчезая так же внезапно, как появлялась. Быть может, он испепелит его. Быть может, дарует смерть, мгновенную и легкую.

* * *

Настала ночь, и туман рассеялся. Стала видна равнина внизу, и огни Акбара, и факелы, освещавшие лагерь ассирийцев. Стал слышен лай собак. Донеслась песня, которую пели воины.

– Я готов, – сказал себе Илия. – Я согласился с тем, что стал пророком, и старался исполнять свое предназначение как можно лучше. Однако потерпел неудачу, и теперь Господу нужен другой.

В этот миг свет коснулся его.

Огонь небесный!

Луч меж тем лежал у него на лбу. И некий голос произнес:

– Я – ангел Господень.

Илия упал на колени, а потом пал ниц.

– Я уже видел тебя прежде и исполнял твои повеления, – промолвил он, не поднимая головы. – И оттого, куда бы ни лежал мой путь, всюду сеял я лишь горе и несчастья.

Но ангел сказал так:

– Когда вернешься в город, трижды попроси, чтобы мальчик ожил. И на третий раз Господь услышит тебя.

– Ради чего мне это делать?

– Ради величия Божьего.

– Даже если Бог сотворит чудо, я уже сомневаюсь в себе. Я недостойн своего предназначения.

– Всякий вправе усомниться в своем предназначении и вправе время от времени покидать свою стезю. А вот забыть ее он не может. Лишенный сомнений в себе – недостойн, ибо слепо верит в свои дарования и свершает грех гордыни. Блажен тот, кому случается переживать мгновения нерешительности.

- Ты же видел, как я только что сомневался даже в том, что ты послан Богом и говоришь от Его лица.

- Ступай и исполни то, что я говорю.

Много времени прошло, пока Илия спускался по склону. Стражники ожидали его у жертвенников, но горожане уже вернулись в Акбар.

- Я готов к смерти, - сказал он. - Я повинился перед богами Пятой горы, а они велели, чтобы я, пока моя душа не рассталась с телом, пришел в дом вдовы, принявшей меня, и попросил ее сжалиться над моей душой.

Воины отвели его назад и передали жрецу просьбу израильтянина.

- Будь по-твоему, - сказал жрец. - Ты испросил прощение у богов и теперь должен сделать то же по отношению к вдове. Чтобы ты не сбежал, отправлю с тобой четверых вооруженных стражников. Но не надейся, что вдова, поддавшись твоим уговорам, сумеет вымолить тебе пощаду. Знай: на рассвете мы казним тебя на площади.

Жрец хотел было спросить, что видел Илия на вершине, но рядом стояли стражники, а ответ мог бы внести в их души смятение. Он промолчал, а про себя решил - хорошо бы, чтобы Илия попросил прощения при всех: тогда ни у кого больше не будет сомнений в могуществе богов Пятой горы.

А стражники отвели Илию на ту бедную улочку, где прожил он несколько последних месяцев. Двери и окна в доме вдовы, как велел обычай, были раскрыты настежь, чтобы душа ее сына без препон могла отлететь на небеса. Тело находилось в середине маленькой комнаты, и на бдение явились все соседи.

При виде израильтянина они сначала замерли от ужаса и изумления, а потом закричали стражникам:

- Уведите его отсюда! Неужели мало того горя, что он уже причинил нам?! Он так подл, что даже боги Пятой горы не захотели пачкать об него руки.

– Отдайте его нам! – раздался чей-то голос. – Мы сами покараем его – и прямо сейчас!

Под градом пинков и затрещин Илия высвободился и бросился к плакавшей в углу вдове:

– Я могу вернуть твоего сына к жизни! Позволь мне прикоснуться к нему – хотя бы на одно мгновение!

Вдова подняла голову.

– Прошу тебя! – умолял Илия. – Пусть это будет последним, что я сделаю в жизни, но все же дай мне возможность отплатить тебе за твою великодушие!

Несколько человек вцепились в него, стараясь оттащить. Илия отбивался изо всех сил, продолжая просить, чтобы ему дали дотронуться до мертвого мальчика.

И хоть был Илия молод и исполнен решимости, его все же выбросили за дверь. «Ангел Господень, где же ты?!» – крикнул он в небеса.

В этот миг все замерли. Вдова, поднявшись со своего места, направилась к нему, взяла за руку, привела в дом, подвела к телу сына и отдернула покрывавшую его простыню.

– Вот он, кровь от крови моей, – молвила женщина. – Да падет кровь его на головы твоих родичей, если не сумеешь исполнить обещанное.

Илия приблизился и хотел коснуться мертвого мальчика.

– погоди, – остановила его вдова. – Сначала попроси своего Бога исполнить мое проклятье.

Сердце Илии заколотилось. Но он верил словам ангела.

– Пусть кровь этого ребенка падет на головы родителей моих и братьев, на их сыновей и дочерей, если не сделаю того, что сказал.

И тогда, терзаясь страхом, и чувством вины, и сомнениями...

«...взял его с рук ее, и понес его в горницу, где он жил, и положил его на свою постель и воззвал к Господу, и сказал:

Господи Боже мой! неужели Ты и вдове, у которой я пребываю, сделаешь зло, умертвив сына ее?

И простершись над отроком трижды, он воззвал к Господу и сказал: Господи Боже мой! да возвратится душа отрока сего в него!»

Сначала все было по-прежнему. Илия вдруг снова перенесся в Галаад, снова увидел, как лучник целится ему в сердце. Он знал, что удел человеческий не имеет никакого отношения к тому, чего человек боится или во что верует. И вновь, как в тот день, осенили его спокойствие и уверенность. Он знал: даже если ничего не произойдет, есть высший смысл в том, чтобы все это произошло. На вершине Пятой горы ангел назвал это «ради величия Божьего», и Илия надеялся когда-нибудь понять, почему Творец нуждается в своих творениях.

В этот миг мальчик открыл глаза.

– Где моя мама? – спросил он.

– Там, внизу, ждет тебя, – с улыбкой отвечал Илия.

– Какой странный сон приснился мне! Будто я лечу в какую-то черную дыру, причем стремительней, чем самый быстрый конь на скачках в Акбаре. И там ждет меня человек – я знаю, что это мой отец, хоть никогда и не видел его. А потом я оказался в каком-то прекрасном месте и с удовольствием бы остался там, но тут другой человек – он незнаком мне, но добр и отважен – ласково попросил меня вернуться. И тут ты разбудил меня.

Мальчика огорчало, что он так и не попал в это прекрасное место.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://telnovel.com/ru/paulo-koelo/pyataya-gora-kupit>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)